

Научная статья

УДК 801.81

DOI 10.17223/18137083/79/2

Механизмы циклообразования в эпическом тексте (на материале героического эпоса)

Асият Даутовна Болатова (Атабиева)

Институт гуманитарных исследований –
филиал Кабардино-Балкарского научного центра
Российской академии наук
Нальчик, Россия

bolatovaatabieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

Аннотация

Рассматривается принцип эпической циклизации, задействованный при создании монументального героического эпоса. На основе сравнительно-типологического анализа дается обзор соответствующих примеров из общемировой культуры, краткая историография изучения полиэтнического эпоса. Выявляются циклизирующие факторы в формировании эпической целостности карачаево-балкарской версии «Нартиады», анализируется процесс сцепления и структурирования произведений поэтической, повествовательной, смешанной форм в целостный свод нартских сказаний. Определяется характер межтекстовых взаимосвязей, основывающихся на генеалогии героев, активном протагонисте, альтернативных формах воплощения сюжета. Такие сложноорганизованные структуры гарантировали сохранность устно-поэтического наследия этноса, наметив перспективы развития художественной циклизации и эпопейного жанра в целом.

Ключевые слова

нартские сказания, циклическая структура, макротекст, эпическая циклизация, героический эпос

Для цитирования

Болатова А. Д. Механизмы циклообразования в эпическом тексте (на материале героического эпоса) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 29–41. DOI 10.17223/18137083/79/2

© Болатова А. Д., 2022

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 29–41
Siberian Journal of Philology, 2022, no. 2, pp. 29–41

Mechanisms of cycle formation in an epic text (based on the material of the heroic epic)

Asiat D. Bolatova (Atabieva)

Institute of Humanitarian Researches –
Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences
Nalchik, Russian Federation

bolatovaatabieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

Abstract

This paper focuses on studying the principle of epic cycle formation used to create large-scale cyclical structures through the accumulation of contextually conditioned works. The principal method of analysis is comparative-typological, and the object of study is the multi-ethnic epic. The variants of multi-part works from the world culture, the epic tradition of the Turkic-speaking ethnic groups, and the collections of Nart legends of the North Caucasian peoples are given as characteristic examples. The author outlines the prerequisites for the formation of a multi-level epic narrative and justifies epic features in folklore texts. A significant vector of research is identifying the structural specific features of the heroic epic and determining the inter-textual relations to illustrate the mechanisms of cycle formation in pre-literary samples. The analysis of the poetics of the North Caucasian Nart epic confirms that the texts forming its integrity thematically go back to the original source, continuing the previously outlined narrative line. The study concludes the ethnolinguistic versions of the “Nartiada” to be the result of improvised adaptations through the oral form of text transfer. Such complexly organized cyclical structures guaranteed the preservation of the oral-poetic heritage of the ethnos, synthesizing a colossal amount of information. This integrity encompasses a flexible scheme of epic unfolding, allowing the source material to be altered by additional micro-inclusions. The richness of the Karachays’ and Balkars’ heroic epic testifies to the evolution of the epic thinking of the people, outlining the prospects for the development of cycle formation in the literary genres.

Keywords

Nart legends, cyclic structure, macrotext, epic cyclization, heroic epic

For citation

Bolatova A. D. Mechanisms of cycle formation in an epic text (based on the material of the heroic epic). *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 2, pp. 29–41. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/79/2

Историко-типологический метод является важным инструментом в изучении героического эпоса. В работе обозначен малоисследованный аспект в теоретическом осмыслении национального эпического наследия. Стремясь охватить вопросы, касающиеся характерных методов синтеза карачаево-балкарских нартских сказаний в художественное единство, мы нацелены на разъяснение специфических механизмов циклообразования в фольклорных текстах, что, как нам представляется, будет способствовать восстановлению целостной картины генезиса циклических структур в литературных жанрах. С этих позиций в сопоставительном плане целесообразно обратиться к иноэтническому материалу героического эпоса (поскольку явление эпической циклизации основано на единых принципах поэтики) и далее перейти к рассмотрению структурных особенностей этноязыковых версий северокавказской «Нартиады».

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 2
Siberian Journal of Philology, 2022, no. 2

Возможности эпического жанра позволяют вместить в единое информационное поле множество разновременных произведений. В структурном отношении героический нартовый эпос является наиболее близким к эпическому жанру. И поскольку цикловедческий ракурс является доминирующим в предлагаемом исследовании, то основное внимание сосредоточено на выявлении циклообразующих связей в эпическом повествовании. Однако прежде необходим краткий обзор эпической традиции в целом.

В культуре народов мира прочно закрепились мифоэпические сказания, которые в исторической перспективе закономерно складывались в циклы. Наглядными примерами эпического цикла (или циклического эпоса) на этапе формирования ранних социальных общностей являются Троянский цикл поэмы, «Поэма о Гильгамеше», «Сага о Вэльсунгах», «Беовульф», «Песнь о Нибелунгах», «Песнь о Роланде», «Махабхарата», «Бхагаватгита», «Рамаяна», «Слово о полку Игореве» и другие фольклорные тексты, характеризующиеся полижанровым составом. Сравнительный анализ соответствующих образцов показывает, что в произведениях, почерпнутых из фольклорного наследия различных народов, несомненно «эффект накопления» информации. Процесс эпической циклизации обусловлен стремлением не только отдельного этноса, но и исторически известных цивилизаций сохранить свой культурный опыт.

К теме этнических взаимосвязей, типологии и поэтики древнего эпоса относятся образцы из тюрко-монгольского культурного пласта. Средневековый эпический памятник «Китабы дедем Коркут» («Книга о моем деде Коркуте»), называемый огузским циклом, состоит из 12 частей (огуз-наме) и представлен преимущественно в песенной форме (жыр). Связующим звеном сюжета выступает Коркут-Ата – хранитель этнического опыта, мудрый наставник народа, вещий певец-сказитель. В цикле отражена информация мировоззренческого, мифологического, исторического порядка, а также религиозная тематика.

В этом же ряду следует обозначить эпические циклы алтайских тюрков («Когутэй», «Маадай Кара», «Алтын тууди»), якутское олонхо, среднеазиатский «Алпамыш», киргизский «Манас», калмыцкий богатырский цикл «Джангар», башкирский «Акбузат», входящий в свод героических сказаний об «Урал-Батыре». Архаические тексты с многовековой историей составлены из нескольких полновесных частей, их многоуровневая структура вписывается в каноническое определение цикла. Герои эпоса тюркоязычных народов именуются «батырами» («удалой», «храбрый»), неизменными атрибутами повествований подобного рода являются описания битв и воинской доблести, преобладание элементов гиперболизации.

Выделенный комплекс полиэтнического эпоса подразумевает отсылку к историографии изучения и методологии вопроса. В ряду работ, соотносящихся с проблематикой статьи, можно выделить разноплановые исследования. Теоретическому описанию и изучению памятников древности посвящена монография П. А. Гринцер «Древнеиндийский эпос. Генезис и типология» [1974]. Автором проводится широкий сопоставительный анализ санскритских эпосов. Славянские эпические тексты зафиксированы и должным образом изучены в книге В. Я. Проппа «Русский героический эпос» [1999]. Французскую эпическую литературу эпохи Средневековья («Песнь о Роланде») анализирует А. Д. Михайлов в работе «Французский героический эпос: Вопросы поэтики и стилистики» [1995]. В исследовании «Восточнославянский героический эпос» [Гацак, 1967] подробно анализируется комплекс богатырских поэм, былин и эпических песен. Весомый вклад

в историю сравнительного изучения эпоса тюркских народов, выявления общей жанровой типологии эпического творчества внес В. М. Жирмунский. Фундаментальный труд ученого «Тюркский героический эпос» [1974] является полномасштабным исследованием в данной области отечественной науки.

На типологические схождения в этнических вариациях тюрко-монгольского эпоса указывают многие ученые. В этом плане показательна монография Е. М. Мелетинского «Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаичные памятники» [1963]. Вопросы, касающиеся изучения генезиса олонхо, охвачены в книге В. В. Илларионова «Искусство якутских олонхосутов» [1982]. Специализированные исследования принадлежат Н. В. Емельянову [1983] («Сюжеты ранних типов олонхо»), И. В. Пухову [1962] («Якутский героический эпос олонхо. Основные образы»).

В трудах упомянутых ученых в той или иной степени отслеживается процесс объединения контекстуально взаимосвязанных произведений в эпические циклы, этапы формирования «гигантских рукописных кодексов».

Корпус монументальных эпических полотен составляют исходные мифы, сказания и легенды о происхождении сущего. И общекавказский нартский эпос не исключение. Циклы, объединяемые в эпическую сагу, имеют конструктивную особенность, выстраиваясь в виде спирали по принципу возвращения, когда одна часть является дополнением и продолжением предыдущей.

Циклизация реализована как доминирующий принцип структурирования героического эпоса. С точки зрения художественной хронологии в произведениях, образующих эпическую целостность, последовательность не всегда соблюдается, формальные признаки оказываются размытыми. В рукописной традиции в целом наблюдается такая закономерность, как стирание четкого ощущения жанра. По времени создания и в стилистическом отношении тексты тоже различаются. Компоновка разрозненных произведений в цикл происходила произвольно с опорой на родовые связи центральных героев и взаимодополняемые сюжетные линии. Эпическое множество разрасталось вокруг фабульного стержня, обуславливая наличие содержательных рефренов и наслоений. Каждое текстовое включение перерабатывалось под единую тематику. Исходя из вышеизложенного главной циклизирующей интенцией объединения частей в героическом эпосе следует считать сюжетную связность. Подобная структура не могла оставаться статичной, поскольку происходило непрерывное расширение повествовательных границ. Отсюда заметное отличие первоначального текста от более поздних его редакций по объему и информативной плотности.

Северокавказская «Нартиада» сформирована из произведений героического содержания в результате сложения разрозненных частей в целостный свод сказаний поэтической, повествовательной и смешанной форм. Ее объем расширился за счет последующих привнесений в исходный материал, чем объясняется высокая вариативность эпического текста. Наблюдается явление «гиперциклизации», которое подразумевает синтез нескольких циклов посредством различных текстообразующих моделей.

Процесс распределения и группировки текстов в отдельные циклы был относительно долгим, так как «фаза циклизации» эпоса охватывала несколько столетий. Этим обусловлена гибкость структуры, проницаемость эпических рамок. Произведения сохраняли за собой потенциальную возможность существования вне цикла. На этом фоне формировались текстовые дублиеты, которые по необходимости могли вычлениваться из образованного единства. В поздней обработке

централизованные герои получали бóльшую функциональность, обрастая социально обусловленными чертами.

Своды нартских сказаний северокавказского ареала представлены в различных этноязыковых вариантах. Сами тексты сохранились в этнической среде в альтернативных редакциях, не поддающихся детальному подсчету. Учитывая известную лабильность подобных структур, их необходимо рассматривать комплексно, чтобы выявить возможные интерпретации преподносимых сюжетов, специфические черты, сходства и различия. «Каждый цикл представляет собой достаточно самостоятельную и законченную группу сказаний, однако все циклы взаимосвязаны» [Нарты..., 1994, с. 13]. Помимо сквозной фабульной линии, дублируемых доминантных персонажей, к этому выводу подводит цикличность обращения к переменным этапам земного пребывания героев. В наличествующем материале представлены история возникновения отдельных родов, возможность совмещения внутри этой целостности других, менее значимых микроциклов, содержащих рассказ о событиях, предшествовавших их появлению.

В нартоведении должным образом исследован эпос осетин, состоящий из мифов, сказаний и легенд. В качестве основополагающих В. И. Абаевым выделены четыре полноценных цикла: Уархаг (что значит «волк», от которого берет начало народ нарттов), Урузмаг (Урызмаг), Сослан (Созруко), Батраз (Батрадз), отмечены также меньшие по объему циклы о Сирдоне и Ацамазе. Исследователь называет героический эпос «Нарты» автобиографией народа, равноценной летописи прошлого [Абаев, 1982]. Ученым обозначены три основные фазы образования эпической целостности. Вначале несвязанные между собой, разрозненные сказания группируются спонтанно. На втором этапе определяются наиболее популярные герои, становящиеся «центром притяжения» обособленных повествований, из которых впоследствии «образуется несколько эпических узлов или циклов». Завершающей становится «фаза эпопеи» – момент создания монументального эпоса.

В сопоставительном плане актуален и адыгский фольклорный пласт, где представлены многочастные текстовые образования, повествующие о Боре Могучем, Андемиркане, князе Лежероко. Внимания заслуживает цикл о Жабаги Казанок, характеризуя который, региональные ученые (Ю. М. Тхагазитов и А. М. Гутов) отмечают явление «межжанровой диффузии» [Тхагазитов, 2006, с. 27]. В тексте обнаруживаются сближения с героическим эпосом (переход исторического лица в разряд фольклорного персонажа). В национальном варианте «Нартиады» выделяются обособленные циклы, повествующие о соперничестве Сосруко и Бадиноко, поединке между Глебыцей и Ашамезом, Батрезом и Машуко. А. М. Гутов указывает на «тенденцию к объединению нескольких сказаний» в эпическую историю одного героя [Гутов, 1993, с. 115]. Это самостоятельные циклы-биографии, возникшие как «свидетельство особого внимания народа к данному герою» [Алиева, 1969, с. 129]. Справедливы выводы А. И. Алиевой: «Художественная структура сказаний о нартах чрезвычайно специфична, что связано с историческим своеобразием возникновения и существования этого уникального памятника культуры, сохранившего отражение многих особенностей мироощущения и общественного сознания людей глубокой древности» [Там же, с. 112]. В героическом эпосе очевидны преимущества генеалогического параметра. Отдельные тематические циклы повествуют о подвигах богатырей Сосруко, Озырмече, Батрезе, Ашамезе, Бадиноко. Это произведения, «смыкающиеся по жанровым признакам со сказкой, новеллой, притчей. Объединяют их в целостную систему всё же лич-

ные имена персонажей с их ярко выраженными, устойчиво сохраняемыми в разных сказаниях функциями, а также доминирующие мотивы героики особой эпической масштабности описываемых событий» [Гутов, 2009, с. 13].

Таковы общие наметки по типологии и поэтике иноэтнического героического эпоса. Что же касается текстовых, сюжетных, композиционных и иных переключек в северокавказской «Нартиаде», круг этих вопросов достаточно полно проанализирован в работах В. Ф. Миллера [1992], В. И. Абаева [1982], И. Б. Трескова [1963], В. А. Кузнецова [1980] и других исследователей.

В деле изучения текстового материала карачаево-балкарских нартских сказаний значителен вклад А. З. Холаева [1974], М. Ч. Джуртубаева [2004], Т. М. Хаджиевой [Нарты..., 1994], благодаря их усилиям изучены важнейшие аспекты названной проблемы, подчеркнуты «общие для всех национальных версий Нартиады черты» [Джуртубаев, 2004, с. 6]. В качестве таковых выделены укоренившееся в сознании этноса самоназвание племени «нарты», разделение сказаний на циклы по генеалогическому и сюжетному принципам, наличие героических жизнеописаний, отражение в текстах значимых исторических событий, обобщенная манера подачи истории, условный характер хронотопа. Существует два академических издания карачаево-балкарского героического эпоса: двуязычное [Нарты..., 1994] и на языке оригинала [Нартла (Нарты), 1995].

В целом устное наследие народа подразделяется на мифологический, нартский и историко-героический эпос. Все они «в совокупности составляют последовательное повествование о долгой истории этноса» [Джуртубаев, 2004, с. 18]. Эпические сказания о нартах сформировались на основе древнейшего пласта раннерелигиозных и космологических представлений. В исходном варианте текста «Нартиады» явны наслоения языческого периода и более поздние привнесения социальной направленности. В его состав внедрялись крупные и менее масштабные циклы, отдельные поэмы о второстепенных персонажах, фрагментарные сказания с единичным сюжетом («Нарты-сибилы», «Откуда появились алмосту» и т. п.), служащие в качестве скреп повествования.

В текстах карачаево-балкарских сказаний содержатся указания на «географическую привязку» нартского эпоса, подтверждая факт доминанты горного ландшафта. Знаковым является образ «Вечной горы», на ее склоне располагалась кузница Дебета, Карашауай вырос в трещине ледника, питаясь ледяными сосульками, на горе Мингитау родился крылатый конь Гемуда, с горы Дыхтау Ёрюзбек созывал войско к битве с эмегенами (циклопами).

Героический эпос характеризуется полижанровым составом (*жырла* – песни, *таурухла бла хапарла* – сказания и легенды, *кюйле* – песни-плачи, песни-славы богатырям, *алгышыла* – благопожелания, песни-гимны языческим божествам – Тейри, Элие, Умай-бийче). Эпическая целостность представлена в форме хроник преимущественно в песенном варианте, однако чаще всего песнь и сказание содержательно соотносимы. Принцип их группировки основывается на эпических «биографиях» героев. В сводах, повествующих о жизни и подвигах нартов, реализован принцип «генеалогической циклизации», что акцентирует внимание слушателя на вопросе преемственности поколений. Материалы циклов включают легенды о происхождении богатырей, мотивы их чудесного рождения, противоборства хтоническим существам, сложившихся родственных связей и характера взаимоотношений друг с другом. В системе персонажей наблюдается категориальное разделение на центральных героев (общих для всего северокавказского

ареала) и эпизодические роли, отведенные остальным. По данной схеме образованы как «большие», так и «малые циклы».

Ж. Дюмезилем, исследовавшим осетинский героический эпос, предложено разделение нартского сообщества на три группы – «род скотоводов, род людей умственных занятий, род военных» [Дюмезиль, 1982, с. 33], начало которым дали Бора, Ахсартаг и Алаг. В карачаево-балкарском эпосе представлено четыре нартских рода: потомки Алика, или Аликана, в иных версиях Алаугуна – искаженной формы имени Алауган (Аликлары – Аликовы), Усхуртука (Схуртуклады – Усхуртуковы), род Бора-Батыра (Боралары – Бораевы) и ветвь Индиляя (Индилары – Индиевы). Их различали по характерным качествам: уму, храбрости, богатству. Самым древним считается подборка сказаний о династии Аликовых (патриарх рода – Дебет, его сын Алауган и внук Карашауай). Представленная классификация с большой долей вероятности соотносится со значимыми в этнической мифологии «представлениями о разделении природы на четыре стихии – огонь, землю, воду, воздух» [Джуртубаев, 2004, с. 85].

В национальной версии «Нартиады» имеют место и автономные циклы о героях Созуке, Алаугане, Сосуруке, Бора-Батыре, Ачемеде, Чюерди, Ёрюзмек, Карашауае, Рачикау. Помимо выделенных групп сказаний, существуют циклические структурированные тексты, объединяющие в своем содержании рассказы о подвигах и взаимоотношениях нескольких персонажей («Бёдене и Рачикау», «Шырдан и Нёгер», «Алауган и Карашауай», «Ёрюзмек и Сатанай»). По традиции, все судьбоносные жизненные этапы героев от рождения и до их вознесения на небо («трансформация образа героя во времени») отслежены в соответствующих подборках. Известны также «Тринадцать странствий Карашауая», «Песнь о Бийнёгере» и др. Один и тот же текст эпической культуры мог многократно включаться в различные циклы. Героическое отрочество является неотъемлемой частью сюжета, в содержании произведений отслеживается длительный процесс наработки черт славного героя, мудрого правителя (сказанное можно проиллюстрировать на примере образа Ёрюзмек – предводителя нартского войска).

В составе карачаево-балкарского героического эпоса значимое место отведено тройным циклам сказаний. Самым объемным по количеству включенных текстов и самым древним по времени создания является цикл «Дебет – Алауган – Карашауай». Неслучайной видится взаимосвязь между отдельными героями (Дебет – олицетворение Солнца, Сатанай – лунная богиня, прорицательница и Ёрюзмек, имеющий звездное происхождение). Отмеченная тройка символизирует три начала: интуицию (Сатанай), интеллект (Дебет) и волю (Ёрюзмек), авторитет этих героев в нартском обществе был непререкаем.

В работах национальных ученых достаточно подробно описаны структурные, содержательные, поэтико-стилевые особенности циклов сказаний о нартах-богатырях. Одним из таких исследований является книга «Нарты. Аланский героический эпос» [Джуртубаев, 2016], содержащая объяснение космического (небесного) происхождения доминантных персонажей. Характерными атрибутами солярного божества наделены: патриарх Дебет (Солнце), прародительница нартов – Сатанай (Луна), предводитель нартского войска – Ёрюзмек (рожден из чрева железной звезды, кометы). Отмеченные образы синкретичны, совмещают в себе множество необычных свойств и сверхвозможностей.

Несомненным является присутствие магии и культов в эпических повествованиях «Нартиады», что отмечается в соответствующих научных изысканиях [Volatova et al., 2019, p. 224]. В большинстве своем циклы сказаний о нартах вы-

строены с соблюдением тотемистической и мифологической подоснов с сохранением сюжетобразующей роли жизнеописаний главных героев. Эпические портреты богатырей складывались из соответствующего набора ассоциативных эпитетов, здесь уместна отсылка к тюркоязычному фольклору. Эпитет «сивогривый» (волк) часто применяется в характеристиках Манаса, подчеркивая нечеловеческую силу героя. Подобный прием нередко использовался и в карачаево-балкарских сказаниях. Бог-кузнец Алтын Дебет, называемый «Золотым», Ачы тилли Гиляхсыртан («Злоязычный»), Къызыл Фук по прозвищу «Красный». В оценке образа Сатанай в нартском эпосе употребителен эпитет «къуртха» («ведунья»). «Архаической чертой» эпических героев является «магическая неуязвимость» [Жирмунский, 1974, с. 55], вышеупомянутый персонаж киргизского эпоса носит «непроницаемый для стрел олпок» (*белый панцирь*). По той же аналогии Ёрюзбек использовал для защиты *волчью шубу* и сам ассоциировался с образом волка. Важно отметить, что каждому герою нартских сказаний соответствовало свое тотемное животное: Дебет – *конь*, Ёрюзбек – *волк* (вскормлен волчицей, облачен в шкуру зверя), Сатанай – *лиса* (перевоплощалась в черную лису), Карашауай – *сокол*, Алауган – *барс* (слово «ала» в имени героя указывает на табуированное животное).

В выстраивании эпического образа немаловажна этимология. В архаических текстах часты примеры, когда в имени «прочитываются атрибутивные признаки героев» [Гутов, 2013, с. 69]. В подтверждение высказанной мысли можно обратиться к значениям имен Сосурук («Сын камня»), Карашауай («къара шакай» или *шакан, шахан* – сокол), Алауган («ала уан» – «пестрый зверь», имеется в виду барс), жена Сосурука Акбилек («Акъ билек» – «Белолокотная», руки девушки излучали сияние, освещая богатырю дорогу домой).

Изучая тексты нартских сказаний, исследователи подмечают такой важный момент в обрисовке героев, как присущие им черты колдуна / шамана. Ведущие персонажи карачаево-балкарских сказаний (Сосурук, Рачыкау, Карашауай, Ёрюзбек, Сатанай) обращались к магии [Джуртубаев, 2004, с. 252]. Герой-шаман Карашауай неоднократно прибегал к помощи *войлочной плети* – кийиз камчи (алтайские камы также использовали *золотую плеть*), бог-кузнец Дебет изготовил волшебный *посох / жезл* [Нарты..., 1994]. Традиционные атрибуты шаманизма – *палка, жезл, посох* – воспринимались как космическая ось, ассоциируясь с ключевым в мифологии древности образом Мирового дерева. Они упоминаются в древнегреческих (*жезл* Гермеса, тирс Диониса, скипетр в руках Зевса, *кизилковый посох*, дарованный Афиной ослепленному прорицателю Тиресию, *жезл* Кассандры), древнеиндийских (в ведийской мифологии в этом качестве употреблялось ритуальное оружие – *ваджра, посох* задействован во время обряда инициации, посвящения в ученики, символизируя прохождение различных ступеней познания), скандинавских (в тексте «Старшей Эдды» повествуется о *жезле* Одина, *деревянном молоте*, гаданиях при помощи *рунической палочки*) фольклорных источниках. В культуре народов Сибири *посох* наравне с *бубном* применялся в шаманских камланиях, являясь отличительным знаком провидца или жреца-шамана, своеобразным маркером, определяющим социальный статус своего обладателя. Символический предмет наделялся особым функционалом (его использовали в поминальной обрядности для осуществления проводов душ умерших в загробный мир либо для излечения болезней). Он выступал одновременно в роли орудия ритуальных действий, универсального посредника в пограничных состояниях, экстаических путешествиях шаманов (пространственно-временных перемещениях

во время сна, вхождениях в транс), средства коммуникации между миром людей и миром духов. Многозначность подобных образов позволяет провести интересные семантические параллели и аналогии.

Возвращаясь к теме эпической циклизации в «Нартиаде», отметим, что свод карачаево-балкарских героических сказаний завершается циклом, состоящим из песенных и прозаических текстов, в которых содержится объяснение причин гибели народа нартов («Нартла нек кырылгъандыла»), повествуется о последних днях их пребывания на земле («Нарт халкъны ахыр кюнлери»), здесь представлены песня-плач (кюй) по нартам («Нарт халкъны кюйю») и рассказы о вознесении богатырей на небо («Нартла жерден кыалай кетгендиле», «Нартланы жерден кёкге кёчгенлерини юсюнден таурух») [Нартла (Нарты), 1995].

Анализируемые образцы наглядно иллюстрируют механизмы текстопостроения в героическом эпосе. Основным циклизирующим фактором в формировании эпической целостности «Нартиады» следует считать совокупность сюжетных и генеалогических «валентностей». Расшифровывая сказанное, необходимо подчеркнуть, что эпос северокавказских народов демонстрирует ощутимую тенденцию к цикличности путем сведения воедино обширного информативного потока (мифологического и исторического в том числе), накопленного на протяжении сотен лет. В процессе обработки материала развертывание эпического «метасюжета» нарушалось – в структуру цикла встраивалась череда второстепенных эпизодов, возникали бесчисленные ответвления от основной линии повествования, обуславливая формирование все новых мини-циклов внутри этой целостности.

Циклическое воспроизведение событий давало простор для реализации особых хронотопических связей. Если в современном восприятии категория времени однолинейна и непрерывна, то в древности время мыслилось как нечто конкретное. В мифах не было привычного разделения действительности на *прошлое*, *настоящее* и *будущее*, они ощущались одновременно. В нартском эпосе мифологическое и историческое время существуют синхронно, а сакральное время циклично. Подобная «реактуализация времени» характерна именно для архаических текстов. Чередование явлений с относительной регулярностью, архетипы и повторения отражены в исследовании М. Элиаде [2000], где ученым разъясняется восприятие времени как совокупности повторяющихся циклов, событий сакрального значения, что вполне укладывается в схему эпической циклизации.

Комплексный анализ северокавказского нартского эпоса показывает, что тексты, формирующие его структуру, восходят к первоисточнику, продолжая логику однажды намеченной повествовательной линии, несмотря на то, что все они являются разновременными произведениями. Вышеупомянутые циклы складывались и трансформировались в течение долгого времени, сохраняясь в устных версиях. Естественно, эпический свод не мог иметь фиксированной, устойчивой структуры, существуя в нескольких вариантах, в силу устной формы транслирования. Импровизация – характерная примета героического эпоса. Вариативность эпических циклов делала его состав в известной мере условным, но не исключала цельности повествования. В процессе эпической циклизации автономные полижанровые формы объединялись внутри этой масштабной структуры и корректировались по мере необходимости.

Подобное конструирование допускало возможность дополнений, и в данном случае субъективный фактор играл не последнюю роль. В подаче фольклорных текстов сказители прибегали к импровизированным адаптациям, чтобы сохранить и довести эпическое наследие народа до следующих поколений. Следствием та-

ких вмешательств и стали этнические версии северокавказской «Нартиады». Гибкость структуры определила поэтапную эволюцию эпоса, вложив в него необходимый эпический потенциал для исчерпывающей оценки действительности того времени. Такие сложноорганизованные повествования имели широкое хождение в этнической среде ввиду отсутствия письменности. Являясь гарантами сохранности устно-поэтического наследия этноса, сказители научились синтезировать в памяти полученные знания о мире. Но, чтобы усвоить такой колоссальный объем информации, им приходилось спрессовывать ее и представлять потенциальным слушателям в предельно сжатом виде. Принимая во внимание рамки исторической ретроспекции описываемых событий, вольности с текстом более чем обоснованы.

Подытоживая предыдущие умозаключения, следует подчеркнуть, что способы строения эпических циклов во многом идентичны. К подобному выводу подводит сопоставление соответствующих примеров из различных культур. В героическом эпосе обнаруживаются общие тенденции («маркированность» начала и конца смежных текстов, наличие активного протагониста, рефренных мотивов, генеалогических экскурсов, выявляющих степень родства основных действующих лиц), наблюдается схожая схема развертывания повествования с возможностью расширения и изменения структуры за счет дополнительных микровключений, переработку сценария описываемых событий.

Вышеперечисленные моменты выявляют наиболее актуальные методы циклизации при создании эпических саг – *генеалогический* и *сюжетный*. Изначально текст циклического эпоса был аморфен, отличаясь отсутствием какой-либо системы. Позднее в эту масштабную структуру внедрялись тексты-связки, служащие скрепами эпического каркаса, помогая состыковать воедино все предполагаемые части. Включение маргинальных (промежуточных) произведений обусловлено стремлением подвести самостоятельные тексты к относительной упорядоченности в составе целого. Благодаря таким «перемычкам» циклическое образование в итоге избавлялось от хаотичности.

На первом этапе употребителен *линейный* тип циклизации, со временем опыт структурирования произведений заметно трансформировался, наблюдался переход к *разветвленному* методу сложения текстового единства, происходило растягивание единого аккумулирующего сюжета во времени и пространстве. В результате суммарное число частей, интегрируемых в состав героического эпоса, существенно отличалось от ранее зафиксированного количества. Составные части эпических циклов выстраивались в определенной последовательности, со значительными временными промежутками, паузами, отвлеченными эпизодами.

В процессе изучения архаического материала циклической природы можно убедиться в мотивных переключках, параллелизме наиболее значимых сцен, на что указывает наличие постоянных уточнений и ретроспекций. Такое расширенное толкование генерализующего сюжета вбирает в себя поэтапное становление доминантных персонажей (чудесное рождение, прохождение обязательного набора испытаний в процессе инициации, вознесение в верхний мир), произведения приобретают выраженный летописный характер. В отдельных циклах различаются несколько параллельно очерченных линий развития сюжета, и, конечно, способы их воплощения альтернативны. Со временем они расширялись за счет привнесенных мотивов, способствуя еще большей событийной плотности. Материал нартских сказаний на протяжении значительного периода подвергался содержательным дополнениям и «этноязыковой редакции». Если архаическая форма, по-

видимому, зародилась в степи, то в более поздних вариациях нартского эпоса все чаще оказывается горная атрибутика.

На основе исторических и социокультурных взаимовлияний эпические сказания сложились в их нынешнем виде со всеми мифологическими, религиозными, идеологическими, историческими наслоениями. В ранних версиях, как правило, превалирует мифологический пласт, позднее получают развитие религиозные и социальные мотивы, заметно стремление к реалистичности в описаниях событий. Таким образом, содержательный компонент носит «разностадиальный» характер. В целом богатейший пласт хроникально организованных текстов эпического характера позволяет судить об эволюции эпического мышления народа и перспективах художественной циклизации как метода, способствующего систематизации разрозненных произведений с взаимообусловленным содержанием, наделяя их выраженными эпопейными чертами.

Список литературы

- Абаев В. И.* Нартовский эпос осетин. Цхинвали: Ирыстон, 1982. 106 с.
- Алиева А. И.* Адыгский нартский эпос. Москва; Нальчик: Эльбрус, 1969. 168 с.
- Гацук В. М.* Восточнославянский героический эпос. М.: Наука, 1967. 475 с.
- Гринцер П. А.* Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М.: Наука, 1974. 418 с.
- Гутов А. М.* Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М.: Наука, 1993. 206 с.
- Гутов А. М.* Народный эпос: традиция и современность. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. 228 с.
- Гутов А. М.* Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. 2-е изд. Нальчик: Изд-во КБГУ, 2013. 219 с.
- Джуртубаев М. Ч.* Карачаево-балкарский героический эпос. М.: Поматур, 2004. 288 с.
- Джуртубаев М. Ч.* Нарты. Аланский героический эпос. 2-е изд. Нальчик: Эльбрус, 2016. 706 с.
- Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1982. 276 с.
- Емельянов Н. В.* Сюжеты ранних типов олонхо. М.: Наука, 1983. 244 с.
- Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 727 с.
- Илларионов В. В.* Искусство якутских олонхосутов. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1982. 128 с.
- Кузнецов В. А.* Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1980. 136 с.
- Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаичные памятники. М.: Вост. лит., 1963. 462 с.
- Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. Владикавказ: СОИГИ, 1992. 707 с.
- Михайлов А. Д.* Французский героический эпос: Вопросы поэтики и стилистики. М.: Наследие, 1995. 360 с.
- Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука, 1994. 656 с.
- Нартла (Нарты) / Сост. М. Журтубаев, Х. Малкондуев. Нальчик: Эльбрус, 1995. 464 с.
- Пропт В. Я.* Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 1999. 638 с.
- Пухов И. В.* Якутский героический эпос олонхо: основные образы. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 254 с.

Тресков И. Б. Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1963. 180 с.

Тхагазитов Ю. М. Эволюция художественного сознания адыгов (опыт теоретической истории: эпос, литература, роман). Нальчик: Эльбрус, 2006. 280 с.

Холаев А. З. Карачаево-балкарский нартский эпос. Нальчик: Эльбрус, 1974. 143 с.

Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. М: Ладомир, 2000. 414 с.

Bolatova A. D., Uzdenova F. T., Kerimova R. A. Totem Beliefs in Karachay-Balkar Folklore and Literature // Journal of History Culture and Art Research. 2019. Vol. 8, no. 1. P. 223–227. DOI 10.7596/taksad.v8i1.2057

References

Abaev V. I. *Nartovskiy epос osetin* [Nart epос of the Ossetians]. Tskhinvali, Iryston, 1982, 106 p.

Alieva A. I. *Adygskiy nartskiy epос* [The Circassian Nart epос]. Moskva, Nal'chik, El'brus, 1969, 168 p.

Bolatova A. D., Uzdenova F. T., Kerimova R. A. Totem Beliefs in Karachay-Balkar Folklore and Literature. *Journal of History Culture and Art Research*. 2019, vol. 8, no. 1, pp. 223–227. DOI 10.7596/taksad.v8i1.2057

Dyumezil' Zh. *Osetinskiy epос i mifologiya* [Ossetian epос and mythology]. Moscow, Nauka, 1976, 276 p.

Dzhurtubaev M. Ch. *Karachaevo-balkarskiy geroicheskiy epос* [Karachay-Balkar heroic epос]. Moscow, Pomatur, 2004, 288 p.

Dzhurtubaev M. Ch. *Narty. Alanskiy geroicheskiy epос* [Sledge. Alan heroic epос]. 2nd ed., Nal'chik, El'brus, 2016, 706 p.

Eliade M. *Izbrannye sochineniya: Mif o vechnom vozvrashchenii; Obrazy i simvol'y; Svyashchennoe i mirskoe* [Selected works: the Myth of the eternal return; Images and symbols; the Sacred and the mundane]. Moscow, Ladomir, 2000, 414 p.

Emel'yanov N. V. *Syuzhety rannikh tipov olonkho* [Stories of early olonkho types]. Moscow, Nauka, 1983, 244 p.

Gatsak V. M. *Vostochnoslavyanskiy geroicheskiy epос* [East Slavic heroic epос]. Moscow, Nauka, 1967, 475 p.

Grintser P. A. *Drevneindiyskiy epос. Genezis i tipologiya* [Ancient Indian epос. Genesis and typology]. Moscow, Nauka, 1974, 418 p.

Gutov A. M. *Khudozhestvenno-stilevye traditsii adygskogo epосa* [Artistic and stylistic traditions of the Adyghe epос]. 2nd ed., Nal'chik, KBSU Publ., 2013, 219 p.

Gutov A. M. *Narodnyi epос: traditsiya i sovremennost'* [Folk epос: tradition and modernity]. Nal'chik, KBIHS Publ., 2009, 228 p.

Gutov A. M. *Poetika i tipologiya adygskogo nartskogo epосa* [Poetics and typology of the Adyghe Nart epос]. Moscow, Nauka, 1993, 206 p.

Illarionov V. V. *Iskusstvo yakutskikh olonkhosutov* [Art of the Yakut Olonkhosuts]. Yakutsk, Yakut Publ. H., 1982, 128 p.

Kholaev A. Z. *Karachaevo-balkarskii nartskii epос* [Karachay-Balkar Nart epос]. Nal'chik, El'brus, 1974, 143 p.

Kuznetsov V. A. *Nartskiy epос i nekotorye voprosy istorii osetinskogo naroda* [The Nart epос and some questions of the history of the Ossetian people]. Ordzhonikidze, Ir, 1980, 136 p.

Meletinskii E. M. *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa: rannie formy i arkhaiskiye pamyatniki* [The Origin of the Heroic Epic: Early Forms and Archaic monuments]. Moscow, Vost. lit., 1963, 462 p.

Miller V. F. *Osetinskie etyudy* [Ossetian studies]. Vladikavkaz, 1992, 707 p.

Mikhailov A. D. *Frantsuzskii geroicheskii epos: Voprosy poetiki i stilistiki* [French heroic epic: Questions of poetics and stylistics]. Moscow, Nasledie, 1995, 360 p.

Narty. Geroicheskii epos balkartsev i karachaevtsev [Heroic epic of the Balkars and Karachays]. Moscow, Nauka, 1994, 656 p.

Nartla (Narty). M. Zhurtubaev, Kh. Malkonduev (Eds). Nal'chik, El'brus, 1995, 464 p.

Propp V. Ya. *Russkiy geroicheskii epos* [Russian heroic epic]. Moscow, Labirint, 1999, 638p.

Pukhov I. V. *Yakutskii geroicheskii epos Olonkho: osnovnye obrazy* [Yakut heroic epic Olonkho: the main images]. Moscow, AN SSSR, 1962, 254 p.

Tkhagazitov Yu. M. *Evolutsiya khudozhestvennogo soznaniya adygov (opyt teoreticheskoy istorii: epos, literatura, roman)* [Evolution of the artistic consciousness of the Adygs (experience of theoretical history: epic, literature, novel)]. Nal'chik, El'brus, 2006, 280 p.

Treskov I. B. *Fol'klornye svyazi Severnogo Kavkaza* [Folklore connections of the North Caucasus]. Nal'chik, El'brus, 1963, 180 p.

Zhirmunskii V. M. *Tyurkskii geroicheskii epos* [The Turkic heroic epic]. Leningrad, Nauka, 1974, 727 p.

Информация об авторе

Асият Даутовна Болатова (Атабиева), кандидат филологических наук

Information about the author

Asiat D. Bolatova (Atabieva), Candidate of Philology

*Статья поступила в редакцию 30.03.2021;
одобрена после рецензирования 28.05.2021; принята к публикации 28.05.2021
The article was submitted 30.03.2021;
approved after reviewing 28.05.2021; accepted for publication 28.05.2021*